

УДК 800.005(075.8) Ольга Гамали,

Ольга Каневская

(Кривой Рог)

СВОЕОБРАЗИЕ ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ

КАРТИНЫ МИРА ВСЕВОЛОДА ГАРШИНА

У статті визначено риси індивідуальної художньої картини світу Всеволода Гаршина як яскравого зразку експресіонізму в російській літературі, а саме: психологізм, увага до художньої деталі, особлива експресія, що сформовані метафорами, алегорією, порівняннями та епітетами, гіперболами і літотами.

Ключові слова: індивідуальна художня картина світу, експресіонізм, психологізм, художня деталь, експресія, тропи.

The article deals with the peculiarity and the main features of Vsevolod Garshyn's artistic individual world view as a striking example of expressionism in Russian literature, such as: psychologism, an artistic detail, expression formed by metaphors, allegories, comparisons, epithets, hyperboles and litotes.

Key words: an individual artistic world view; expressionism; psychologism, an artistic detail, expression, tropes.

Стилистическое исследование художественного произведения, основывающееся на сложившейся под влиянием работ В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, Ю.Н. Тынянова, Л.В. Щербы и др. традиции, предполагает содержательный анализ его художественной формы, или системы речевых средств. Еще В.В. Виноградов писал: "...действительность, раскрывающаяся в художественном произведении, воплощена в его речевой оболочке: предметы, лица, действия, называемые и воспроизводимые здесь, внутренне объединены и связаны, поставлены в разнообразные функциональные отношения. Все это сказывается и отражается в способах связи, употребления и динамического взаимодействия слов, выражений и конструкций во внутреннем композиционно-смысловом единстве словесно-художественного произведения. Состав речевых средств в структуре литературного произведения органически связан с его "содержанием" и зависит от характера отношения к нему со стороны автора" [1, с. 91]. Современная лингвистика текста бурно прогрессирует: это исследования по структурно-смысловому анализу текста И.Р. Гальперина, Н.А. Купиной, В.А. Кухаренко и др.; работы, относящиеся к изучению стилистических особенностей текста, В.В. Одинцова, С.Н. Иконникова и др. Многочисленны работы, посвященные описанию художественной речи, выразительно-изобразительных средств языка вообще, а также анализу идиостилей конкретных авторов.

В современной научной литературе утверждается: основной задачей анализа художественной литературы является исследование специфики языковых средств произведения и выяснение закономерностей их использования. Художественный текст, как отмечают лингвисты, обладая всеми особенностями, свойственными текстам вообще, отличается от других текстов прежде всего

наличием эстетической и изобразительно-выразительной сторон. Это значит, что художественный текст, являющийся одновременно и статичным, и динамичным образованием, может изучаться в содержательном, формальном, стилистическом и других аспектах.

Методологической основой анализа текста служит представление о неразрывном единстве формы и содержания, об их взаимообусловленности и взаимоотнесенности.

Таким образом, исследование художественного текста невозможно без расчленения его на составляющие, без изучения его стилистических особенностей. Однако такое членение будет оправданным, если будет проводиться с учетом разных текстовых уровней (лексического, синтаксического, композиционно-синтаксического), что способствует осмыслению текста как "целостного единства" (В.В. Виноградов).

Всеволод Михайлович Гаршин (1855–1888) – выдающийся русский прозаик, автор двух небольших книжек рассказов. Его творчество изучается прежде всего с литературоведческой стороны (работы П.В. Бекединова, С.Н. Булгакова, Г.А. Бялого, Н.А. Гуськова, А.Н. Латыниной, В.И. Порудоминского и др.), анализом языка произведений писателя плодотворно занимаются О.С. Лепехова, А.Г. Лошаков и др. Однако художественная картина мира В. Гаршина еще не стала предметом отдельного исследования.

Цель статьи – выявить черты художественной картины мира В. Гаршина.

С именем В. Гаршина связан ряд художественных открытий: тематическое и стилистическое обновление жанра аллегории ("Attalea princeps", "Красный цветок"), соединение в рамках лирической прозы романтических и реалистических принципов ("Происшествие", "Ночь", "Трус", "Четыре дня"), преодоление натуралистических тенденций в социально-бытовом очерке ("Денщик и офицер", "Из воспоминаний рядового Иванова"), мастерство художественной детали.

В рассказах В. Гаршина созданы красочные картины, настолько эмоциональные и экспрессивные, что читателю кажется, будто он сам присутствует при происходящем, испытывает все чувства и ощущения, которые испытывают герои. Читатель вместе с персонажами переживает боль, страдания, голод, жажду, страх, борется за жизнь и побеждает. Эмоциональное воздействие художественной речи достигается, прежде всего, характером изображения персонажей и картин природы, экспрессивностью повествования, психологической достоверностью.

Напряженный психологизм гаршинской художественной картины мира достигается особой зримостью созданных образов. Так, с помощью нескольких эпитетов писатель смог подчеркнуть и передать весь ужас, который испытал главный герой в течение четырех дней, проведенных на поле битвы: Какие-то странные звуки доходят до меня... Как будто бы кто-то стонет. ... Боже мой, да ведь это – я сам! Тихие, жалобные стоны; неужели мне в самом деле так больно?.. Дикие, безумные хриплые вопли вырываются из моей груди, и нет на них ответа. Громко разносятся они в ночном воздухе. Всё остальное молчит [2, с. 5].

Характерно для автора использование метафоры как способа усиления психологизма: Червяк этот мысль: что, дескать, друг мой, не лжешь ли ты всё это? [2, с. 18]; Говоришь горячо, как будто искренне, а в душе всегда сидит червяк, который точит и сосёт [2, с. 18]; ...в книге вместо букв – валящиеся ряды людей [2, с. 34]; Теперь он почувствовал, что в нём есть и другая сторона, та самая, о которой говорил ему робкий голос его души [2, с. 96]; Восторг этот родился в сердце, вырвался из него, хлынул горячей, широкой волной, разлился по всем членам, на мгновение согрел и оживил закоченевшее несчастное существо [2, с. 100].

Чувства персонажей, их эмоциональные состояния, мысли, окружающая природа передаются с помощью сравнений: Кусты шевелятся и шелестят, точно разговаривают [2, с. 16]; Что-то острое и быстрое, как молния, пронизывает всё мое тело от кожи к груди и голове, и я снова падаю [2, с. 5]; Горло горит, жжёт как огнём [2, с. 8]; Его огромный диск... красен, как кровь [2, с. 14]; Деревья уже оголились и представлялись какими-то безобразными мертвецами [2, с. 85].

Развёрнутые сравнения помогают автору выразить всю глубину переживаний персонажей: ...всё лицо точно осветило солнцем, как освещается мокрый и печальный луг, когда раздвинутся тучи, нависшие над ним, и дадут выглянуть солнышку [2, с. 30].

Природа соперничает персонажам рассказов Гаршина, участвует в повествовании, отсюда – частотность использования олицетворения: Он смотрел на них, отличая знакомые созвездия и радуясь тому, что они, как ему казалось, понимают его и сочувствуют ему [2, с. 180]; Луна жалобно смотрит на меня круглым лицом [2, с. 10]; Маленькая травка следила за борьбой и замирала от волнения [2, с. 85]. Писатель "одушевляет", "очеловечивает" и живые существа (птиц, животных, насекомых), и растения, и чувства человека. Внимательное, чуткое отношение к окружающему миру, проникновение вглубь человеческой души, художественно выраженное, – это определяющая черта психологизма Всеволода Гаршина.

В гаршинских рассказах встречаются различные (семантические, стилистические, семантико-стилистические) синонимы, которые более точно выражают мысль, её коммуникативную сущность, усиливают психологизм внутренней речи персонажей: В прошлом нет опоры, потому что всё ложь, всё обман [2, с. 10]; Он вспомнил горе и страдание, какое довелось ему видеть в жизни, настоящее житейское горе, перед которым все его мучения в одиночку ничего не значили, и понял, что ему нужно идти туда, в это горе, взять на свою долю часть его, и только тогда в душе его настанет мир [2, с. 100]. Синонимы несут яркую экспрессивную нагрузку: – Эта песня безотраднa и уныла, – говорил сам бледный человек, – само время напевает её и, как будто бы назидание мне, напевает так удивительно однообразно [2, с. 10]; У Львовых тоска, уныние [2, с. 44]; Не верьте Нина Петровна! Всё врет! Выдумывает! [2, с. 49]; Завизжала и заскрежетала граната, раздался выстрел [2, с. 49].

В. Гаршин, опираясь на антонимы, умело пользуется таким стилистическим приёмом, как антитеза: – Под такт их хода прошла вся жизнь кажущимся разнообразием с горем и радостью, с отчаяньем и восторгом, с ненавистью и любовью [2, с. 10]; Он плакал и молился богу в промежутках между проклятиями, обращенными к своему врагу [2, с.173]; Страшно; не могу больше жить за свой собственный страх и счёт; нужно, непременно нужно связать себя с общей жизнью, мучиться и радоваться, ненавидеть и любить не ради своего "я", всё пожирающего и ничего взамен не дающего, а ради общей людям правды, которая есть в мире, что бы я там не кричал, и которая говорит душе, несмотря на все старания заглушить её [2, с. 100].

Герои гаршинских рассказов часто находятся в состоянии душевного и психического срыва, в стрессовой ситуации (война, болезнь, сумасшествие), переживают состояние душевного катарсиса, духовно и эмоционально очищаются. Эмоциональное и психическое состояние передается предельно достоверно и с психологической, и с художественной стороны с помощью многочисленных лексических повторов: Думаешь ли ты на самом деле то, что теперь думаешь; – Да, тогда думал именно то, что думал; Любил отца и знал, что любишь; Да, тогда все казалось тем, как оно казалось [2, с. 88]; "Вот ты умрёшь, умрёшь, умрёшь!" – шепчут они [кусты]... "Не увидишь, не увидишь, не увидишь!" – отвечают кусты с другой стороны [2, с. 16]; Думаешь-думаешь, оправдываешься-оправдываешься, а на дне души всё что-то повторяет: виновата, виновата,

виновата... [2, с. 39]; Василий Петрович ел и думал, думал и ел [2, с. 55]; – Колокол! – повторил он. – Зачем колокол? [2, с. 95].

Лексические повторы используются и в пейзажах (уточняют впечатление от увиденного, подчеркивают детали), и при описании монотонности существования, а также выражают авторское видение мира: Широкое снежное поле. Белые холмы окружают его, на них белые же, заиндедеввшие деревья [2, с. 48]; Проходит день, проходит ночь. Всё то же. // Наступает утро. Всё то же. Проходит ещё день [2, с. 9]; Это правда. // – Правда! Нашлась правда в такую минуту! // А минута казалась неизбежной [2, с. 95]

Психологическая точность повествования усиливается и за счёт использования парцелляции, подчеркивающей напряжённость речи персонажей, находящихся в состоянии душевных страданий, размышлений и раздумий: Поглядите-ка, поглядите, каков сероватый тон! ... Пониже, вон там, под облачком... прелесть! С зеленоватым оттенком [2, с. 71]; Пойдут люди в церковь: многим из них станет легче... Впрочем, помню, и мне легче становилось. Мальчиком был тогда [2, с. 95].

Психологизм в прозе В. Гаршина сочетается с экспрессивностью речевого строя всего повествования, усиливается ею. Следует подчеркнуть, писателя отличает художественно целесообразное выразительное использование языковых единиц в их значениях, звучаниях, формах и конструкциях, актуализация таких экспрессивных средств (образительных, выразительных, лексических), которые воздействуют на психику читателя, создают многоплановость восприятия художественных образов.

Так, особая экспрессивность достигается умелым использованием эпитетов разных типов, их сочетаний:

– оценочных: Совсем разбитый, одурманенный, я лежал почти в беспомощности [2, с. 7]; ...они опутывали его...пропитывали всё тело своим ужасным содержанием [2, с. 180]; ...И призрачная борьба снова началась [2, с. 180]; ...и началась долгая борьба, утомительная для нападавших и мучительная для защищающегося человека, тратившего остаток истощённых сил [2, с. 181]; Он был страшен [2, с. 170]; ...а третья – та уж совсем отвратительная, гнусная старуха [2, с. 18];

– описательных: ...была тихая, тёплая и тёмная ночь; окно было открыто; звёзды блеснули на чёрном небе [2, с. 17]; Она горит весело и ясно и дымит с приятным, немного резким запахом [2, с. 18];

– характерологических: Из кустов глядит на меня добрые, голубые глаза Яковлева, нашего ефрейтора [2, с. 9]; Это командует Петр Иванович, наш лазаретный офицер, высокий, худой и очень добрый человек [2, с. 10]; ...тою же быстрою, тяжёлою и решительною походкою, высоко подняв безумную голову, он вышел из конторы [2, с. 170]; Страшно бледный, с ввалившимися щеками, с глубоко ушедшими внутрь глазных впадин горящими глазами, он, уже шатающеюся походкой и часто спотыкаясь, продолжал свою бешеную ходьбу и говорил, говорил без конца [2, с. 180];

– метафорических: Звезды ласково мигали лучами, принимавшими до самого его сердца [2, с. 5]; Большой чувствовал, что из цветка длинными, похожими на змей, ползучими потоками извивается зло... [2, с. 180];

– цветowych: Бледно-розовые пятна заходили вокруг меня [2, с. 5]; Несколько звезд смотрело из далекого чистого неба, одна из них была ярче всех и горела красноватым сиянием [2, с. 17]; ...звёзды блестели на чёрном небе [2, с. 181]; Надо мной – клочок чёрно-синего неба, на котором горит большая звезда и несколько маленьких, вокруг что-то тёмное, высокое [2, с. 5]; В этот яркий красный цветок собралось все зло мира [2, с. 179].

Подчеркнём, что для стиля писателя характерна цветопись – использование в одном контексте нескольких цветowych эпитетов, что создаёт особую образность и придаёт описываемому объекту осязаемую зримость: ...почерневшая Нева. Скоро тронется лед, река будет голубая. Парк на той стороне зазеленеет. Острова также покроются зеленью [2, с. 27]; ...Обнажились сперва вершины бугров, зазеленела на них травка. Потом и вся степь зазеленела, хоть в оврагах еще лежал умиравший снег. Быстро...выросли кустики пионов, и на них пышные ярко-пурпуровые цветы [2, с. 27]; На десятки вёрст протянулась широкая и дрожащая серебряная полоса лунного света; остальное море было черно;...ещё более чёрные, чем самое море, силуэты судов покачивались на рейде... [2, с. 49]; ...свет их проходил сквозь массу голубоватой воды, кишашую рыбами..., наполненную растениями, резко выделявшимися на неопределённом фоне своими кроваво-красными, бурыми и грязно-зелёными силуэтами [2, с. 63].

Экспрессивность изображения усиливается посредством использования двойных (тройных) эпитетов, подобранных так, что один компонент уточняет первый: Эти слова были сказаны громким, резким, звенящим голосом [2, с. 169]; Воспалённые, широко раскрытые глаза (он не спал десять суток) горели неподвижным горячим блеском;... спутанные курчавые волосы падали гривой на лоб; он быстрыми тяжёлыми шагами ходил из угла в угол конторы [2, с. 170]; Его отнесли на койку в беспамятстве, которое перешло в глубокий, мёртвый и долгий сон [2, с. 172]; Как мне хотелось вцепиться в его скверную смазливую белобрысую рожу! [2, с. 19].

Активное употребление гипербол, придающее художественной речи особую экспрессию, объясняется тем, что сильное чувство увеличивает то, чем оно вызвано: [о цветке] Это было таинственное, страшное существо, противоположное богу, Ариман, принявший скромный и невинный вид. Нужно было сорвать его и убить [2, с. 179]; Он [труп] совсем расплылся. Мириады червей падают из него. Как они копошатся! [2, с. 16]; Двенадцать тысяч... Эта цифра то носится передо мною в виде знаков, то растягивается бесконечной лентой, лежащих рядом трупов. Если их положить плечо с плечом, то составитя дорога в восемь верст... [2, с. 34].

Также свойственна гаршинскому стилю литота, которая заостряет внимание читателя, заставляет его "проникнуться" настроением, состоянием, чувствами персонажей: Я лежу, кажется, на животе и вижу перед собою только маленький кусочек земли. Несколько травинок муравей, ползущий с одной стороны вниз головою какие-то кусочки сора от прошлогодней травы – вот весь мой мир [2, с. 6].

Усиливается экспрессивность повествования и за счёт разнообразных перифраз: "Прощайте, люди! Прощайте, кровожадные, кривляющиеся обезьяны!" [2, с. 94]; [об оранжерее] Конечно, многим может показаться раем и эта тюрьма после жалкого существования, которое они вели на воле [2, с. 82]; [о картине] я – язва растущая! [2, с. 74]; ...пока ты пишешь картину – ты художник, творец; написана она – ты торгаш [2, с. 70].

Стремясь привлечь внимание читателя к определённой теме либо к определённой части этой темы, Гаршин прибегает к риторическим вопросам и восклицаниям, которые вводятся не только в авторскую речь, но и во внутренние монологи героев, и в диалогическую речь: – Послушай, это,

наконец, ужасно! Неужели ты говоришь правду? Неужели ты не брезгаешь нечестными средствами для достижения этого комфорта?.. [2, с. 55]; Скучно, не правда ли? [2, с. 67]; Зачем верит? Верить-то мне нужно, необходимо нужно, но как поверить? [2, с. 68]; Буду ли я по-прежнему нюхать розу? Или сойду с рельсов? [2, с. 75]; Трус я или нет? [2, с. 34]; А если это – наши? О проклятые кусты! Зачем вы обросли вокруг меня таким густым забором? [2, с. 15].

Обилие восклицательных предложений отражает эмоциональные переживания персонажей: восторг, жесточенность, нервное напряжение и т.д.: – Смотрите, смотрите! – кричали в другой деревне взрослые – вот чудо-то! [2, с. 254]; – Да, да, да! – прокричал он вслух, каждый раз злобно надавливая кулаком на край стола, – нужно же как-то выбраться из путаницы [2, с. 170]; Ударь их в сердце, лиши их сна, стань перед их глазами призраком! [2, с. 74]; А как хороша жизнь!.. Вы, воспоминания, не мучьте меня, оставьте меня! ... Ах, тоска, тоска! [2, с. 11].

С именем писателя, как было отмечено выше, связано стилистическое обновление жанра аллегории вообще ("Attalea princeps", "Красный цветок"), а также введение аллегорических образов в структуру произведений.

Так, аллегорией зла, ненависти является красный цветок в одноименном рассказе: Цветок в его глазах осуществлял собою все зло; он впитал в себя всю невинно пролитую кровь (оттого он и был так красен), все слёзы, всю жёлчь человечества [2, с. 179]; аллегорией войны, несчастья, ужаса – бык: Бык, на глазах которого убивают подобных ему быков, чувствует, вероятно, что-нибудь похожее... Он не понимает, чему его смерть послужит, и только с ужасом смотрит выкатившимися глазами на кровь и ревет отчаянным, надрывающим душу голосом [2, с.34]. Стремление к свободе, вольнолюбие, любовь к родной земле – пальма Attalea: Послушайте меня: растите выше и шире, раскидывайтесь ветви, напирайте на рамы и стёкла, наша оранжерея рассыплется в куски, и мы выйдем на свободу... Я хочу увидеть небо и солнце не сквозь эти решетки и стекла, – и я увижу!" [2, с. 82-83]. Оранжерея – аллегория тюрьмы, несвободы: Она [травка] не знала южной природы, но тоже любила воздух и свободу. Оранжерея и для нее была тюрьмой [2, с. 83].

Сочетание нескольких тропов и стилистических фигур (аллегии, эпитетов, лексических повторов и др.) способствует выражению в тексте глубоко нравственного содержания – гневного протеста против войны и зла, которое она несёт людям: Кузьма кажется мне единицею, одной из тех, из которых составляются десятки тысяч, написанные в реляциях. Его болезнью и страданиями я пробую измерить зло, причиняемое войной. Сколько муки и тоски здесь, в одной комнате, на одной постели, в одной груди – и всё это лишь капля в море горя и мук, испытываемых массою людей, которых посылают вперед, ворочают назад и кладут на поля горами мёртвых и ещё стонущих и копошащихся окровавленных тел [2, с. 38].

Как свидетельствует, проведённый нами анализ, В. Гаршин с предельной честностью и реалистическим психологизмом создал яркие образы. Автор "Красного цветка", по оценке многих исследователей, обладал человеческим состраданием, "великолепным чутьем боли" (А.П. Чехов). Язык гаршинских произведений, яркий и выразительный, обладает особенными качествами редкой эмоциональности и экспрессивности.

Таким образом, основные черты художественной речи В. Гаршина: метафоризация, аллегория, сравнения и эпитеты, гиперболы и литоты – создают художественную картину мира писателя, отличающуюся психологизмом, вниманием к художественной детали, особой экспрессией, что позволяет определить его творчество в целом как яркий пример экспрессионизма в русской литературе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов В. В. О языке художественной литературы / Виктор Владимирович Виноградов. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. – 358 с.
2. Гаршин В. М. Рассказы / Всеволод Михайлович Гаршин. – Л.: Худож. лит., 1986. – 256 с.